

ПОНИМАНИЕ ИДЕИ ПРАВА В РУССКОМ НЕОЛИБЕРАЛЬНОМ ПРАВОВЕДЕНИИ

Н. И. Бухтояров, Б. В. Васильев

*Воронежский государственный аграрный
университет имени императора Петра I*

Поступила в редакцию 24 марта 2016 г.

Аннотация: осуществлен анализ обоснования идеи права в различных течениях русского неолиберального правоведения. Показано, что в неолиберальном правоведении акцент делался на том, что право есть норма, обеспечивающая не только свободу, но и социальную справедливость.

Ключевые слова: неолиберализм, философия права, естественное право, идея права.

Abstract: the analysis of the justification of the idea of law in the different currents of Russian neo-liberal jurisprudence. It is shown that in the jurisprudence of the neoliberal emphasis on the fact that the right is the norm, providing not only freedom, but also social justice.

Key words: neo-liberalism, philosophy of law, natural law, the idea law.

В историографии эволюции либеральной мысли в России особый интерес представляет теоретическая деятельность русских либералов конца XIX – начала XX в., реализовавших парадигму неолиберализма, в которой проблемы права и государства получили глубокую концептуальную разработку. Формирование неолиберализма было вызвано необходимостью обоснования обновления либерализма в новых для него социально-исторических условиях в сторону социализации, что дополняло классическую формулу признания и уважения индивидуальных прав человека «правом на достойное существование». Самым ценным наследием русского неолиберализма является философия права, центром которой был вопрос о природе права. Несмотря на различие в философско-методологических основаниях учений представителей русского неолиберального правоведения, общим у них было то, что обоснование идеи права включало:

- 1) идейное противостояние всем формам юридического позитивизма;
- 2) выявление природы права в контексте его автономности.

Критика концепций юридического позитивизма русскими неолиберальными философами осуществлялась в рамках поиска критерия для отличия права от неправа. Они акцентировали внимание на односторонности господствующего в то время в правоведении узкопозитивного понимания права. Среди этого понимания наиболее распространенным являлось воззрение на право как систему норм, исходящую из воли государства. По Л. И. Петражицкому, определение права с точки зрения понятия государства содержит логическую ошибку «круга в определении».

Действительно, государство есть, прежде всего, правовой союз, и поэтому понятие государства уже предполагает понятие права. Акт признания или непризнания государственной властью тех или иных норм за право не может служить критерием для различения права от неправа, так как этот акт, в свою очередь, покоится на праве, присвоенном государственной власти. «Теория государственного признания, – писал Л. И. Петражицкий, – при прочих своих недостатках, не содержит критерия для отличия норм права от прочих правил поведения, признанных органами государственной власти путем включения в законы... Вводя в понятие существа права случайный признак того или иного отношения к нему государства и принимая этот признак за существенный, наука сбивается на ложный путь...»¹.

Критике подвергались и те учения о праве, которые были названы Л. И. Петражицким теориями положительного (или позитивного) права. Эти теории пытались дать такое определение права, под которое подходили бы не только правовые нормы, официально признанные государством, но и все нормы позитивного права. Таковы учения, определяющие право как «общую волю», «общее убеждение», отождествляющие право с нормами и правилами общественной жизни, пользующимися в качестве таковых общим взаимным признанием членов этого общества. Неолиберальные философы отмечали крайнюю неопределенность таких выражений, как «общая власть» и «общее учреждение». По Л. И. Петражицкому, формула «право есть общая воля» или «выражение общей воли» не есть научная формула прежде всего потому, что выражение «общая воля» не может, во-первых, выполнять функции массового правового шаблона, признаваемого обязательным для всех индивидов данной социальной среды; во-вторых, даже создание общего шаблона, признаваемого обязательным для всех членов правового союза, есть не что иное, как фикция, состоящая в признании воли руководящих лиц в государстве как бы волей всей совокупности граждан. А поскольку формула «общей волей» отражает эту функцию, она получает характер государственной теории права и к ней применима соответствующая критика в адрес этих теорий.

Согласно Е. Н. Трубецкому, понятие «общее убеждение» не может быть критерием для различения права от неправа, поскольку предметом «общего убеждения» могут быть и такие истины, которые не имеют никакого отношения к праву. Неопределенность выражения «общая воля» следует из того, что общая воля может быть направлена на цели, не имеющие правового содержания.

Но даже если и понимать право как общую волю, направленную на обязательные правила поведения, непреодолимое затруднение состоит в том, что нет такой правовой нормы, которая являлась бы выражением воли всех членов того или другого общества. Отсюда вынужденность прибегания к фикции, отличающей «общую волю» от «воли всех». Пони-

¹ *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 217.

мая под выражением общей воли постановление законодателей власти, Е. Н. Трубецкой, приходит к выводу, «...что общая воля в своих проявлениях уже обусловлена правом, а потому не может быть понимаема ни как сущность права, ни как первоначальный его источник»².

Таким образом, все возражения представителей неолиберальной философии права против позитивистских теорий официального права можно свести к обобщающей формуле: всякое позитивное право покоится на том или другом внешнем авторитете, но так как всякий человеческий авторитет, в свою очередь, обусловлен правом, то все учения, отождествляющие право вообще с правом только позитивным, совершают логический круг: «...они сводят право к внешнему авторитету, который, в свою очередь, представляется видом права»³. Отсюда делается вывод, что основные признаки права следует искать в чем-то высшем, чем «официальное признание» и «организованное принуждение».

Обоснование идеи права в концепциях русских неолиберальных философов потребовало решения конструктивной задачи – выявления природы права. И хотя все представители неолиберальной философско-правовой мысли разделяли взгляд на право как совокупность норм и связывали понимание его природы с идеей естественного права, имело место определенное различие в подходах к выяснению сущности права. В целом в обосновании идеи права в русской неолиберальной философии можно выделить следующие течения: этический нормативизм, подчеркивающий преимущественно нравственную природу права (П. И. Новгородцев, И. А. Покровский, Е. Н. Трубецкой), нормативно-социологическое направление, соединяющее этический подход к праву с изучением его социальной природы (В. М. Гессен, Б. А. Кистяковский), психологическую интерпретацию права (Л. И. Петражицкий).

Центральным пунктом доктрины этического нормативизма в обосновании права выступала философская постановка вопроса о нормативном рассмотрении права. П. И. Новгородцев выделял три стадии развития нормативного начала в истории правовой мысли. Первая была осуществлена в формально-догматическом правоведении, которое занималось логической обработкой действующего права, так называемой догмой права. Ее завершением явилась немецкая школа «философии положительного права», которая в соответствии с духом позитивизма выводила все определения философии права, оставаясь на почве исторического положительного права. Между тем, подчеркивал П. И. Новгородцев, ясное понимание нормативной стороны права позволяет сделать вывод, что право как отвлеченная мыслимая связь далеко не соответствует конкретной действительности, которая не исчерпывает этой мыслимой связи и в случае нарушения права может вступить с ней в противоречие.

Вторая стадия была связана с идеей права как внутреннего психо-

² Трубецкой Е. Н. Философия права профессора Л. И. Петражицкого // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 57. С. 23–38.

³ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 26–27.

логического индивидуального переживания. В русской правовой мысли она была представлена психологической теорией Л. И. Петражицкого, который рассматривал природу права независимо от относительных условий его общественного развития и от определения положительного закона. Однако в пределах психологических наблюдений, подчеркивал П. И. Новгородцев, мы не выходим из области существующего. Поэтому требуется переход к этике, к учению о должном. Только на третьей стадии, с созданием этической теории права, совершается необходимое завершение нормативного понимания права. Эта ступень логически вытекает из самого понятия права как нормативного требования. Именно философский анализ этого понятия приводит к нормативным основам этого требования. Отсюда, отмечал П. И. Новгородцев, право может и должно изучаться «...не только как историческое и общественное явление, но так же как внутренне-психическое индивидуальное переживание, как норма или принцип личности»⁴.

Согласно Е. Н. Трубецкому, «идея права» должна быть признана как нравственная основа всякого законодательства и как тот нравственный идеал, который должен определить собою развитие права, предохраняя его от рабского преклонения перед существующим. Центральным вопросом концепции права Е. Н. Трубецкой определял вопрос о естественном праве, который он формулировал следующим образом: «...существует ли естественное право, или нет другого права, кроме права положительного; и если естественное право существует, то каковы его требования, каково его отношение к эволюции права?»⁵. Ставя вопрос обоснования обязательности позитивного права, Е. Н. Трубецкой отмечал, что действительность всякого позитивного права обуславливается внутренними велениями человеческого сознания, которые он разделил на условные, имеющие ценность не сами по себе, а как средства для достижения каких-либо других целей, и безусловные, обязательные и ценные сами по себе. К первым относятся правовые веления, связанные с порядком, властью, собственностью и используемые как средства для ограждения жизни и безопасности человека. Ко вторым – правовые явления, обусловленные существованием личности.

«Человеческая личность, – писал Е. Н. Трубецкой, – для нас и есть та безусловная ценность, которая сообщает обязательное значение и силу всем внутренним правовым явлениям нашего сознания. Все те права, которые мы признаем, в конце концов покоятся на первоначальном, безусловном праве человеческой личности... Как только мы отвергаем это право, как только личность перестает быть для нас ценной, весь правовой порядок тем самым падает в прах»⁶. Таким образом, последним основанием обязательности позитивного права выступает естественное право, составляющее идеальную основу и идеальный критерий всего правового

⁴ Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 274.

⁵ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. С. 64.

⁶ Там же. С. 66.

порядка. Тем самым делается возможным прогресс в праве, поскольку в лице естественного права у позитивного права появляется основа и критерий. При этом естественное право выступает в двойной роли: как нравственная основа конкретного существующего правопорядка, дающая ему санкции, если этот правопорядок является благом для данного общества, и как необходимое движущее начало развития в праве.

Ценность старой школы естественного права Е. Н. Трубецкой усматривал в том, что в ней обосновывалось положение о естественном праве как идеальной основе всякого законодательства и в том критерии, который должен определять собой развитие права. В то же время он видел основную ошибку этой школы в том, что естественное право представлялось как совокупность неизменных норм, вытекающих с логической неизбежностью из вечных требований разума. По Е. Н. Трубецкому, внешняя свобода, которая представляется индивиду правом, не есть безусловное благо, поскольку эта свобода должна быть подчинена общему благу, мера которого может быть различной для разных ступеней исторического развития того или иного народа и национальных особенностей его культуры. Задача права, писал Е. Н. Трубецкой, заключается в том, «...чтобы установить некоторую гармонию между внешней свободой индивида и благом общества как целого. Очевидно, что эта гармония не может выражаться в формуле неподвижного или однообразного законодательства: тот максимум внешней свободы человека, который требуется благом общества как целого, не есть величина постоянная, а величина подвижная, непрерывно меняющаяся в зависимости от бесконечно разнообразных условий действительности»⁷.

Критикуя теоретиков исторической школы права за односторонний и узкий историзм, Е. Н. Трубецкой обращал внимание на их противоречивое отношение к свободе человека и вопросу о естественном праве. Утверждая, что право есть проявление народного самосознания, и отрицая участие свободного творчества личности в образовании права, представители исторической школы в то же время допускали возможность влияния извне на развитие права, а также вмешательство законодателя в процесс правообразования. И это было не случайно, поскольку историческая действительность неоднократно демонстрировала значение свободной деятельности человека для становления правопорядка. Аналогично дело обстояло с вопросом о естественном праве. Ссылаясь на работу П. И. Новгородцева «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба», Е. Н. Трубецкой подчеркивал, что учение исторической школы о произвольном развитии права должно было привести к отрицанию идеи естественного права. Но в действительности представители исторической школы, предъявляя к законодателю требования соотноситься с принципами разумного права, тем самым становились на почву естественного права.

⁷ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. С. 69.

Критике Е. Н. Трубецким подвергалось и учение немецкого правоведа Р. Иеринга за противоречивое отношение к естественному праву. Р. Иеринг, с одной стороны, утверждал, что необходимость постоянного правового прогресса требует необходимости признания идеи права, которая должна служить критерием для исторически действующего права. С другой стороны, он объявлял эту идею всецело продуктом исторического развития, результатом коллективного опыта. «Однако в опыте, – возражал Е. Н. Трубецкой, – мы видим только право, каково оно есть, опыт не дает нам никаких указаний о том, каково оно должно быть»⁸.

Конечный вывод неолиберального философа состоял в том, что в образовании и развитии права участвуют два фактора: идея разума, лежащая в основе правосознания, и исторический коллективный опыт человечества. Причем первый фактор понимался в качестве цели права, а второй – в качестве средства для осуществления этой цели. Таким образом, Е. Н. Трубецкой приходил к мысли, что понимание природы требует необходимости синтеза двух противоположных фундаментальных философско-правовых парадигм: естественно-правовой и позитивистской. В прогрессе права участвует и правовой идеал, нацеливающий на то, что должно быть в существующем правовом порядке, и исторический опыт, указывающий, каковы должны быть конкретные задачи в каждом конкретном случае и какими конкретными средствами оно может достигнуть своих целей.

Связь вопроса «идеи права» с вопросами этики отмечал в своей концепции «этического персонализма» И. А. Покровский. Право есть не самоцель, а лишь средство для достижения цели, подчиняющее поведение человека в интересах высшего блага. Вследствие этого каждая норма права предстает с точки зрения не только ее «данности», но и ее «должности», что требует не только познания этой нормы, как она есть, но и оценки, как она должна быть. Отсюда возникает вопрос о критериях права. Констатируя зависимость отдельных норм права от общих этических предпосылок, И. А. Покровский писал, что «... конечные критерии могут быть найдены только в глубине нашего этического сознания»⁹. Этические предпосылки неолиберальный философ рассматривал через призму антиномии персонализма и трансперсонализма в культуре. С точки зрения трансперсонализма право получает ценность не от личности, а от некоторой надындивидуальной инстанции, имеющей разнообразное содержание. Тем самым осуществляющаяся в праве справедливость имеет самостоятельное и самодовлеющее значение, в котором человеческое существование находит свое оправдание. Персоналистическое воззрение на право рассматривает последнее лишь как систему служебных средств в интересах нравственного развития личности.

Ограниченность нормативного рассмотрения представителя нормативно-социологического направления неолиберального правоведения

⁸ Там же. С. 86.

⁹ Покровский И. А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права. СПб., 1913. С. 5.

видели в том, что оно неспособно охватить сущность права как особой культурной реальности. Такое рассмотрение опиралось на кантовское противопоставление сущего и должного, дуализм бытия и долженствования. Не отвергая в общем основных принципов нормативного подхода, Б. А. Кистяковский считал «опасным» тот уклон, согласно которому обосновывается самостоятельность долженствования в его противопоставлении бытию. Так же как эмпирическое бытие бывает не только данным, но и заданным, этическое должное, не оставаясь лишь в среде человеческого сознания в виде этических решений и проявляясь вне его в виде этических действий, из заданного превращается в данное. Эта область осуществленного существования составляет особый мир культуры, который возвышается над миром природы и перерастает его. Ставя вопрос о границах нормативного понятия права, Б. А. Кистяковский акцентировал внимание на том, что это понятие не охватывает всей области права и не способно целиком определить осуществление права и его конкретное воплощение в психологическом переживании, социальном явлении и акте государственной деятельности. Но нормативное понятие права обобщает определенную сторону действующего права, а именно его значимость и ценность, и поэтому его нельзя отвлекать от реальности права.

Свою задачу Б. А. Кистяковский видел в том, чтобы преодолеть односторонности, характерные для различных концепций права (государственной, социологической, психологической, нормативистской) и создать новую синтетическую теорию, которая преодолела бы эти односторонности. То общее, что объединяет различные взгляды на сущность права, философ усматривал в воззрении на право как совокупность норм. Реальное право не исчерпывается совокупностью норм, а представляет собой жизненное явление. Поэтому наряду с объективным правом (совокупностью норм) существует субъективное право (совокупность отношений). В этих отношениях и состоит, считал Б. А. Кистяковский, иррациональный момент в праве, отсюда возникает необходимость нового понимания права, преодолевающего односторонние трактовки понятия права в имеющихся теориях и включающего в себя сферу как правовых норм, так и правовых отношений и правосознания. Поэтому Б. А. Кистяковский – сторонник широкого понимания права, которое должно основываться не на отдельных науках (юриспруденции, социологии, психологии), а на синтетической философии культуры, так как право является разновидностью культурных благ.

Обосновывая применение категории должного к изучению социальных, а следовательно, и правовых явлений, Б. А. Кистяковский исходил из неокантианского положения о примате долженствования над бытием и придавал определяющее значение трансцендентальным нормам долженствования. Однако нормативность выступала у него как одна сторона права, не противоречащая миру реального бытия. Поэтому Б. А. Кистяковский считал «недоразумением» противопоставление бытия и долженствования. «Некоторые идеалисты, – писал он, – стремясь обосновать самостоятельность долженствования, приходят в своих рассуждениях к

заклучению, что оно во всем противоположно бытию...»¹⁰. И тут же подчеркивал: «Но это... рассуждение совершенно ошибочно. Прежде всего, эмпирическое бытие не есть нечто данное... Содержание естественно-научного познания составляет не просто данное бытие, а бытие, необходимо совершающееся; содержание же социально-научного познания складывается даже из бытия не только необходимо совершающегося, но и создаваемого человеком в качестве должного бытия»¹¹.

В свою очередь, отмечал Б. А. Кистяковский, должное не есть нечто лишь заданное, поскольку оно постоянно проявляется вне сферы нашего сознания в виде этических решений, тем самым из заданного превращаясь в данное. Эта область осуществленного долженствования представляет собой особый мир культуры – мир ценностей. В итоге он приходил к выводу о научной некорректности сопоставления и противопоставления бытия, с одной стороны, и долженствования – с другой. «Долженствование может быть поставлено рядом, а также противопоставлено с необходимостью... Напротив, бытие не может быть приурочено ни к одной из этих категорий исключительно, так как оно имеет отношение и к одной и к другой. Поэтому с полным основанием можно говорить о различных видах бытия...»¹². Следовательно, право принадлежит не только к миру чистых ценностей, но и к миру культуры, который складывается из целой системы ценностей и объективированных произведений человеческого духа. Таким образом, Б. А. Кистяковский, разделяя в целом точку зрения неокантианства баденской школы, вместе с тем совмещал метод телеологического, нормативного объяснения социальной действительности с признанием закономерностей, существующих в обществе, и возможности их познания.

Представление о самостоятельной природе права разделял и Л. И. Петражицкий, однако его трактовка сущности права отличалась от понимания идеи права других представителей неоперационального правоведения. Это объяснялось прежде всего различием в понимании самой идеологии «возрождения естественного права». «Выставленное нами требование «возрождения естественного права», – писал Л. И. Петражицкий, – конечно, не значит, что мы должны исходить из тех посылок, из которых исходили представители естественно-правовых учений, и применить их приемы мышления, а тем более придерживаться высказанных ими конкретных воззрений и требований»¹³. По Л. И. Петражицкому, «возрождение естественного права» означало не только разрыв с позитивистским символом веры юриспруденции XIX в., что предполагало признание существования непозитивного права на психологической почве. Фактически речь шла об интерпретации положений естественного права в контексте психологической теории права.

¹⁰ Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1992. С. 253.

¹¹ Там же. С. 250–251.

¹² Там же. С. 253.

¹³ Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. СПб., 1905. С. 6.

В связи с этим Л. И. Петражицкий подвергал критике программу науки права П. И. Новгородцева, построенную на идее «естественного права», за то, что в этой программе отождествлялись естественно-правовые учения с нравственным суждением о праве. Он считал, что естественное право, по П. И. Новгородцеву, лишь проект желательного права и потому, если оставаться на научных позициях, не может быть рассмотрено как особый вид права. В отличие от этого программа Л. И. Петражицкого предполагала создание науки политики права, которая, во-первых, заменяла бы прежние теории права такой теорией, которая бы соответствовала психической природе права; во-вторых, развивала теорию мотивационного и педагогического действия права; в-третьих, восстанавливала нормативное изложение непозитивного (интуитивного) права.

Ядром концепции права Л. И. Петражицкого выступал эмоционализм, в рамках которого происходило обоснование убеждения, что существуют некоторые элементарные и первоначальные эмоциональные акты, являющиеся основой всего того, что принято называть правом. В контексте такого подхода право выступало исключительно индивидуальным психическим явлением и правовые начала человеческого поведения связывались с необходимостью, долгом. «Чувство и сознание нашей обязанности по отношению к другим, – писал Л. И. Петражицкий, – мы выражаем словом «право», а именно тому, за кем наша обязанность представляется закрепленной, кому принадлежит наш долг, мы приписываем право или притязание в юридическом смысле. Наше право есть не что иное, как закрепленный за нами, принадлежащий нам, как наше добро, долг другого лица»¹⁴. Психологическое понимание права давало Л. И. Петражицкому возможность утверждать независимость права от государства, что выдвигало дополнительные аргументы в критике правового этатизма и позволяло значительно расширить сферу права, чем это представлялось догматической юриспруденции. Право он воспринимал как психологический фактор общественной жизни, действие которого состояло, во-первых, в возбуждении или подавлении определенных мотивов к действиям или воздержанию от них (мотивационное действие права); во-вторых, в укреплении и развитии одних черт народной психики и искоренении или ослаблении других (народно-педагогическое действие права).

Психологическая концепция права Л. И. Петражицкого была воспринята весьма критически остальными неолиберальными правоведками. Б. А. Кистяковский критиковал исходную психологическую точку зрения Л. И. Петражицкого, утверждая, что его теория эмоций «лишена научной ценности для психологии»¹⁵. Более важным представляется обращение представителей неолиберального правоведения к анализу сущности права в концепции Л. И. Петражицкого. Критике подвергалось расширительное понимание права в этой концепции, которое вело к крайне

¹⁴ *Петражицкий Л. И.* Очерки философии права. СПб., 1903. С. 15.

¹⁵ *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. С. 167–168.

субъективному пониманию правовых явлений. По мысли Б. А. Кистяковского, это происходило от того, что Л. И. Петражицкий признает правом все императивно-атрибутивные переживания, которые имеются в психике человека, в том числе и те, которые являются определенными индивидуальными убеждениями, продиктованы суеверием и даже являются плодом галлюцинации. Однако, предлагая психологический критерий для различия права от неправа, как это делает Л. И. Петражицкий, довольно затруднительно отличить действительное право от субъективного правового убеждения. «Если критерием права, – писал Е. Н. Трубецкой, – являются субъективные психические состояния, то каждый является безошибочным субъектом своего права: сознание индивида является единственным мерилом истинного и ложного в праве...»¹⁶.

Философия права в собственном смысле этого слова, указывал П. И. Новгородцев, стремится к устранению всякого психологизма из своих абстрактно-логических обобщений. «Задача тут заключается именно в том, чтобы освободить эти обобщения от элементов субъективно-психологических и поставить их на почву объективно-нормативной, этической теории»¹⁷. Критикуя философию права Л. И. Петражицкого за эмпиризм и психологизм, нелиберальные правоведы отмечали, что ее программа, направленная на создание науки политики права и его причинных свойств, не есть задача философии естественного права, поскольку последняя есть наука должных отношений, а не причинных связей. Помимо создания науки политики права, отмечал Е. Н. Новгородцев, требующей привлечения психологического материала как одного из условий осуществления идеальных целей (так же как и материала политической экономии, истории, социологии и юриспруденции), в деле возрождения естественного права есть «...две другие задачи: во-первых, философское обоснование и уяснение своих основ... во-вторых, углубление в духе этих основ и на основании сознательного методологического плана существующей юриспруденции...»¹⁸. В итоге представители идеалистического направления русского нелиберализма приходили к выводу о бессилии эмпирической психологии, используемой Л. И. Петражицким для обоснования природы права разрешить вопросы о существовании права, потому что это вопрос не только о существующем, но и должном. Чтобы уловить сущность права, необходимо обратиться к метафизике. «Чтобы ответить на поставленный Л. И. Петражицким вопрос о существовании права, нужно начать с выяснения первоначальной основы всякого правового порядка, с исследования необходимых метафизических предположений всякого правосознания»¹⁹.

В целом для всех направлений русского нелиберального правоведения было характерно понимание идеи права, предполагающее преодоле-

¹⁶ Трубецкой Е. Н. Философия права профессора Л. И. Петражицкого // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 57. С. 22.

¹⁷ Новгородцев П. И. Психологическая теория права и философия естественного права // Юрид. вестник. 1913. Кн. 3. С. 18.

¹⁸ Там же. С. 28.

¹⁹ Трубецкой Е. Н. Философия права профессора Л. И. Петражицкого. С. 33.

ние ограниченности теоретических и методических принципов изучения природы права в доктрине юридического позитивизма. Обосновывая самостоятельную природу права, русские неолиберальные правоведы рассматривали его не только как явление социальной сферы жизни, но и как ценностный феномен. В понимании русского неолиберализма право не только разграничивает сферы свободы индивидов, но и делает возможным для этих индивидов рост их свободы, понятой в смысле творческой активности личности. При этом акцент делается на том, что право есть норма, обеспечивающая свободу и социальную справедливость.

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Бухтояров Н. И., кандидат экономических наук, заведующий кафедрой конституционного и административного права

E-mail: gulevsky_va@inbox.ru

Тел.: 8 (473) 253-86-31

Васильев Б. В., доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и русского языка

E-mail: gulevsky_va@inbox.ru

Тел.: 8 (473) 253-86-31

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I

Bukhtoyarov N. I., Candidate of Economic Sciences, Head of the Constitutional and Administrative Law Department

E-mail: gulevsky_va@inbox.ru

Tel.: 8 (473) 253-86-31

Vasilyev B. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the History, Philosophy and Russian Language Department

E-mail: gulevsky_va@inbox.ru

Tel.: 8 (473) 253-86-31